

© 2024. А. Л. Казин

Российский институт истории искусств
г. Санкт-Петербург, Россия

Открытая самобытность как преодоление нигилизма¹

Аннотация: Статья представляет рецензию на монографию доктора филологических наук Капиталины Антоновны Кокшеновой, посвященную культурно-философским аспектам наследия Н. Н. Страхова. Рецензируемая книга является инновационным исследованием, в котором связываются проблемы нигилизма и деградации идеи личности, кризиса рациональности в европейской философской культуре последней трети XIX в. В монографии впервые рассмотрено наследие К. С. Станиславского в контексте теории «органического искусства». Исследование характеризуют как новые подходы, так и междисциплинарная основательность. Опираясь на концепции понимания человека, национальной природы души, созданные русскими философами второй половины XIX в., автор определяет тот круг национальных идеалов, который выработал Н. Н. Страхов в «Борьбе с Западом в нашей литературе», и который является фундаментальным, вечно актуальным для русской культуры. Исследование К. А. Кокшеновой убедительно доказывает, что только метафизический метод позволяет понять культурологию Н. Н. Страхова и близкий ему круг художников-творцов и мыслителей-творцов.

Ключевые слова: Н. Н. Страхов, Ап. А. Григорьев, Ф. М. Достоевский, К. С. Станиславский, П. Я. Чаадаев, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, нигилизм, национальные идеалы, самосознание, цивилизация.

Информация об авторе: Александр Леонидович Казин, доктор филологических наук, профессор, Российский институт истории искусств, Исаакиевская пл., д. 5. 190000 г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: spb@artcenter.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 02.04.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 27.06.2024

Дата публикации статьи: 25.09.2024

Для цитирования: Казин А. Л. Открытая самобытность как преодоление нигилизма // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 3. С. 256–267. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-256-267>

¹ Рецензия на книгу: Кокшенова К. А. Культурологическая парадигма в наследии Н. Н. Страхова: идеалы и внутренние кризисы культуры. М.: Институт Наследия, 2024. 368 с.

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 6, no. 3, 2024, pp. 256–267. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 6, no. 3, 2024, pp. 256–267. ISSN 2686-7494

Book Review

© 2024. Alexander L. Kazin
Russian Institute of Art History
St. Petersburg, Russia

Open Originality as Overcoming Nihilism¹

Abstract: The article reviews the monograph by Kapitalina Antonovna Koksheneva, DSc in Philology, dedicated to the cultural and philosophical aspects of N. N. Strakhov's legacy. The book under review is an innovative study that links the problems of nihilism and devaluing of the idea of personality, and the crisis of rationality in the European philosophical culture of the last third of the 19th century. The monograph examines the legacy of K. S. Stanislavsky in the context of the theory of "organic art." The study is characterized by both new approaches and interdisciplinary thoroughness. Based on the concepts of understanding man and the national nature of the soul, created by Russian philosophers of the second half of the 19th century, the author defines the range of national ideals that N. N. Strakhov developed in "The Struggle with the West in Our Literature," and which is fundamental, eternally relevant for Russian culture. The research of K. A. Koksheneva convincingly proves that only the metaphysical method allows us to understand the cultural studies of N. N. Strakhov and the circle of artists-creators and thinkers-creators close to him.

Keywords: N. N. Strakhov, Ap. A. Grigoriev, F. M. Dostoevsky, K. S. Stanislavsky, P. Ya. Chaadaev, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy, nihilism, national ideals, self-awareness, civilization.

Information about the author: Alexander L. Kazin, DSc in Philosophy, Professor, Russian Institute of Art History, Isaakiyevskaya Sq., 5, 190000 St. Petersburg, Russia.

E-mail: spb@artcenter.ru

Received: April 02, 2024

Approved after reviewing: June 27, 2024

Published: September 25, 2024

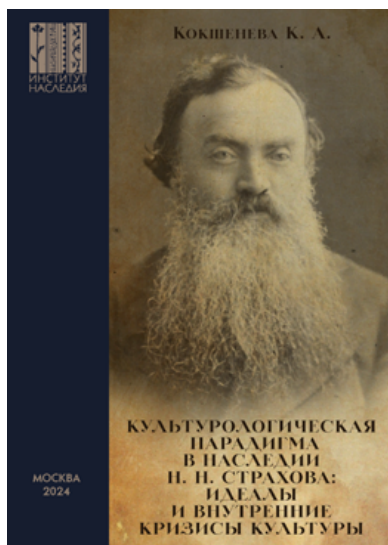
For citation: Kazin, A. L. "Open Originality as Overcoming Nihilism." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 3, 2024, pp. 256–267. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-256-267>

¹ Book review: Koksheneva, K. A. *Cultural Paradigm in the Legacy of N. N. Strakhov: Ideals and Internal Crises of Culture*. Moscow, Institute of Heritage Publ., 2004. 368 p. (In Russ.)

В последние два десятилетия наследие одного из самых глубоких философов и культур-критиков «века классиков» Николая Николаевича Стрехова (1828–1896) привлекает устойчивое внимание филологов и историков русской культуры, публицистов и культурологов. Гуманитарный контекст уже нашего времени делает многие идеи Стрехова чрезвычайно актуальными. Автор рецензируемой монографии — Капиталина Антоновна Кокшенева — является «действующим лицом» современной культуры: как арт-критик она пишет о театре, литературе, кино, и ее понимание актуальности наследия Стрехова не является только данью исследовательской традиции. Вопрос о самопознании, понимании «себя», «своего», «отеческого», истоком которого является *вера в Россию* — существенная часть размышлений философа-классика Стрехова, которые исследуются автором монографии в широком литературном и философском контексте 1860–1880-х гг., названных Стреховым «нигилистической эпохой» (со своей историей нигилистических учений и разными ее периодами — от власти теорий до террора — «практического нигилизма»).

«...Эти мысли, — писал о Н. Н. Стрехове его младший современник В. В. Розанов, — отличаются чрезвычайною сложностью и тонкостью, они трудно усвоимы — и это несмотря на совершенную прозрачность языка. Они трудны не потому, что трудно выражены, но сами по себе, именно как мысли» [Розанов: 7]. Сегодня стреховские задачи — *правильно поставить вопрос* и вывести мысль к свету ясного сознания — по-прежнему являются актуальными, поскольку современная эпоха «мысли ясной благодать» ценит не больше, чем многие современники-оппоненты Стрехова.

Структура работы К. А. Кокшеневой, в которой рассматриваются такие блоки вопросов как «Творчество Н. Н. Стрехова в русской интеллектуальной истории второй половины XIX века (проблема экспансии нигилизма и деградации идеи личности)», «Органическое искусство»

как центральная парадигма русской культуры XIX века: Ап. А. Григорьев, Н. Н. Страхов, К. С. Станиславский», «Н. Н. Страхов и национальная метафизика: культурный идеал и подлинность человеческого существования» — сама структура позволяет увидеть научный масштаб работы и ее оригинальность.

В центре всех культур-философских рассуждений Страхова (будь то работы по физиологии и философии или публицистика с литературной критикой) стоит *вопрос о человеке*, и более того — постижение собственно «человеческого в человеке». «Страховский метод, — считает исследователь, — всегда опирался на верное понимание проблемы, но его понимание носило лично-национальный характер, что свойственно в принципе для философской культуры “века классиков”. Носители современных культурных практик как раз и утратили эти навыки» [Кокшенева: 30]. Мы утратили такие *страховские доминанты* как понимание «мира как целого»; утратили личный взгляд, укорененный в народности; утратили умный рационализм, художественно-эстетические и метафизические рефлексии, заменив их «энергиями», дешевой мистикой и холодом инферно.

Внимание к человеку для Страхова, настаивает исследователь, означало рационально-интуитивное понимание вопроса личностной и

национальной сущности человека (художника), внешнего и внутреннего в нем, его движения к пониманию «своего» или влияния на него новейших модных тенденций, среди которых Страхов-критик выделял нигилизм. Автор исследования доказывает, что проблема нигилизма во всей ее полноте в истории отечественной и современной мысли не была лучше поставлена и не была глубже Страхова разрешена: «Нигилизм как кризисное явление, безусловно, может обладать разной исторической “физиономией”, но при этом он сохраняет свое “неделимое ядро”, которое увидел и понял именно Н. Н. Страхов» [Кокшенева: 30, 31], в частности, в «Письмах о нигилизме» 1881 г. он первым объяснил природу «практического нигилизма» — террора.

Экспансия нигилизма в русскую мысль и культуру стала наиболее активна в «шестидесятые годы» XIX в., — годы возникновения непримиримых культурно-философских пространств. Автор отмечает, что в нашей интеллектуальной истории Страхов и Григорьев закладывали фундамент русского типа философствования и культурного самосознания; они считали своей программной задачей *понимание Россией самой себя*. Со стороны их оппонентов, в частности, Д. И. Писарева и иных критиков-демократов заметны другие интеллектуальные усилия: они были нацелены на «всё человечество», «мировые задачи», на опрощение реальности и подчинение культуры задачам социальным. Первый тип задач К. А. Кокшенева называет *метафизическим*, второй — *нигилистическим* и *утилитарным*: «Борьба между ними надолго, но в сущности навсегда, определила характер и особенности историко-культурной жизни в России» [Кокшенева: 38, 279]. И та, и другой (метафизика и нигилизм) характеризуют особенный тип философского мышления, не являясь философскими учениями. И. В. Киреевский стоял у истоков метафизики, П. Я. Чаадаев дал начала нигилизму (в «Философических письмах»).

Очень внимательно и подробно (с привлечением широкого культурного контекста) исследователь рассматривает понимание Н. Н. Страховым нигилизма, который одновременно и порождает культурный кризис, и сам по своему существу, проходя разные этапы своего развития, скатывается в кризис (в нигилистический взрыв террора). Страхов показал обширность нигилизма. Он может быть философским, историческим, культурным (литературным) и религиозным. Размышляя о философском нигилизме, Страхов говорит о кризисе европейского

рационализма; он доказывает, что нигилизм здесь представляет собой угрозу человеческому достоинству. «В обращении человека в ничто, в презрении к нему и к его достоинству и есть самая сущность и тайный смысл всего нигилизма», — утверждал русский философ и единомышленник Страхова П. А. Бакунин [Бакунин: 122].

В работе «Значение гегелевской философии в настоящее время» (напечатана в 1860 г.) Страхов пишет о популярной то время философии Бюхнера и Молешотта, о Гербарте, новошеллингианцах, неокантианцах и неофейербахянцах. «Все это *философское разнообразие* русский мыслитель оценивает как *проявление кризисности*, — пишет К. А. Кокшенева. — И сам кризис европейской философии, и источник кризиса Страхов видит именно *в отказе от философии Гегеля*, кроме того, говорит прямо, что все новые течения есть *результат разложения* философской системы Гегеля» [Кокшенева: 40]. Страховский призыв «вернуться к Гегелю» означал намерение двигаться и развиваться в духе философской науки, подлинной рациональности (ведь реальность упорядочена, значит, познается разумом и интуицией, в самом же мышлении содержится *рациональный компонент*). В это время из европейской культуры как раз и уходит господство рационализма, с ним борются — «эта вражда упорно ведется всеми: спиритуалистами и материалистами, верующими и скептиками, философами и натуралистами. Отдать себе отчет в этой вражде есть величайшая задача мысли» [Страхов 2007: 68]. Важнейший урок Страхова, актуальный и для современности, исследователь видит в том, что подлинный рационализм является фундаментальной культурной ценностью.

Критика Страховым материализма неизбежна, так как в основании ее лежит иное по отношению к его умозрению понимание человека. В книге «Мир как целое», рассматривая эволюционные процессы, он указывает на биологическое совершенство человека. Но отмечает, что этим человек не ограничивается, — философ говорит о биологическом совершенстве как существенном, но и *недостаточном принципе* понимания человека. Страхов доказывает связь биологического совершенства с духовным осознанием человеком себя самого. Снова Страхов видит метафизические причины в естественных науках (что было важно тогда и не менее значимо сейчас) и на *их основании* критикует материализм. Писаревскому «мыслящему реалисту» противостоит страховский «мыслящий человек», в котором все живет и все развивается

только в индивидуально-личном и через личное. В монографии особенно подчеркивается, что страховский *мыслящий человек* как субъект развития принадлежит не «мировой культуре», не «человечеству вообще», но «культуре конкретной и конкретному народу» [Кокшенева: 44, 45, 285]. Таким образом, Страхов критикует позитивизм, материализм, коллективизм и фальшивый универсализм как части нигилистического миропонимания и мировосприятия.

Научный, исторический и культурный нигилизм Страхов рассматривал на протяжении двух десятилетий (1860–1880-е гг.). С именем П. Я. Чаадаева связывает автор монографии проблему исторического нигилизма (отмечая ее актуальность и сегодня). В работе говорится, что «для Чаадаева у России нет настоящей истории, кроме “пустоты наших летописей”, — это его главная историко-нигилистическая мысль, которая в “Апологии” вывернута так, что именно жизнь русских *вне истории* является огромным преимуществом» [Кокшенева: 151]. «... Большая часть мира, — пишет Чаадаев, — подавлена своими традициями и воспоминаниями», мы же «пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, их заблуждения и суеверия» [Чаадаев 1991а: 150–151]. Чаадаевская Россия, представленная в цитате автором исследования — полное историческое, культурное и бытовое *ничто*, доказательством чего служат мысли Чаадаева и в его «Философических письмах», в которых он утверждает, что исторический опыт как «опыт времен» для нас не существует: «Поколения и века протекли без пользы для нас <...>. Одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничего у мира не взяли; мы не внесли в массу идей человеческих ни одной мысли, мы ни в чем не содействовали прогрессу человеческого разума <...>; ни одна полезная мысль не родилась на бесплодной почве нашей родины» [Чаадаев 1991b: 330].

Суть исторического нигилизма, подчеркивает автор монографии, всегда одна: клевета на Россию и русский народ. Но эта клевета будет восприниматься как указание на «ужасную правду» частью общества — она будет подхвачена «мыслящими реалистами» в 1860-е гг., а начале XX в. ее «революционно разовьет» Горький, говорящий в повести «Детство» о «свинцовых мерзостях дикой русской жизни», ставших распространенным *общим местом* отношения не только к «старой России».

И здесь также для исследователя важен урок Страхова, который смотрел на нашу историю с противоположной Чаадаеву позиции: как на дело «постепенного развития нашей самобытности» [Страхов 1883: 11]. Историческому нигилизму, по Страхову, может противостоять только устойчивая и твердая вера в Россию, она же, и как вера в себя, утверждает метафизическую реальность как таковую (которая конечно, отличается от наличной или сконструированной и «предъявленной действительности» нигилистов).

О культурном и научном нигилизме Страхов пишет в статьях сборника «Из истории литературного нигилизма», в книгах «Борьба с Западом в нашей литературе», «Дарвин» и «Мир как целое». В предисловии к первому выпуску «Борьбы с Западом» он утверждает: «Может быть, нам суждено представить свету самые яркие примеры безумия, до которого способен доводить людей дух нынешнего просвещения; но мы же должны обнаружить и самую сильную реакцию этому духу; от нас нужно ожидать приведения к сознанию других начал, спасительных и животворных» [Страхов 1996: 30]. То есть здесь речь идет о духе, что веет с Запада, и если он нами будет усвоен, — то даст «примеры безумия». Что ему может противостоять? Только «другие начала», собственные, «свой дух». Автор монографии цитирует нашего современника Н. П. Ильина (1947–2023), который называл эти слова Н. Н. Страхова «программой национального самосохранения», которая дана им в трех книжках «Борьбы с Западом» [Ильин].

Страховская концепция культуры отнесена автором исследования к «органической», то есть в основании ее лежит тезис о том, что культуры «человечества вообще» как органического целого не существует. Органическое всегда национально. Сюда же входит и *культура мышления*. «Русский ум» у Страхова входит в систему национальных идеалов и служит конкретной задаче — «пониманию России», понимание и раскрытию своего типа рациональности (этот тип и принято называть «русским умом», как есть «ум немецкий» и пр.). Страховская культур-философия, публицистика и литературная критика, доказывает К. А. Кокшенева, были *конкретным воплощением его философии*, а философское понимание последовательно и ясно связано с вопросами национального самопонимания и идеей личности как они проявлялись в культуре (литературе). Для Страхова Пушкин «один есть полный образ русской души» [Страхов 1902: 356]. «Органическая критика

Григорьева и Страхова, — делает вывод автор исследования, — росла от пушкинского корня» [Кокшенева: 168].

Безусловная новизна главы об «органическом искусстве» состоит в рассмотрении «системы Станиславского» в контексте сложного *единства разнообразия*: от Ап. Григорьева с его *разнообразием местностей* до Страхова с его *множеством национальных миров* [Кокшенева: 147]. Всех троих объединяет и общая (национальная) природа творческого мышления, поскольку творчество культур-философов и творчество художника имеют общий корень.

Страховский вопрос о *самопонимании* автор исследования акцентирует как крайне важный для любого исторического периода национального бытия и говорит о самопонимании во всех трех главах с разных сторон. Причем *самопонимание* важно для страховской культур-философии как для отдельного человека (личности), так и для *понимания себя Россией*. В предисловии 1882 г. к первому изданию «Борьбы с Западом в нашей литературе» Страхов со всей ясностью говорит о проблеме «нашей духовной самобытности»: «Без сомнения, коренное зло состоит в том, что мы не умеем жить своим умом, что вся духовная работа, какая у нас совершается, лишена главного качества: прямой связи с нашей жизнью, с нашими собственными духовными инстинктами» [Страхов 1996: 30].

Впервые о *самопонимании* Страхов написал в 1863 г., поместив в журнал Ф. М. Достоевского «Время» статью «Роковой вопрос». Автор монографии подробно останавливается на анализе и самой статьи, и той «истории непонимания» современниками, которая привела к закрытию журнала Ф. М. Достоевского. Однако наиболее важной в логике исследования представляется страховская мысль, что польский вопрос (как «роковой вопрос») выявляет для нас важнейшую (духовную и культурную) «борьбу цивилизаций». Поляки считают себя *носителями европейской цивилизации*, а своей культурной миссией полагают борьбу с «русским варварством». На самом-то деле, русскому философу-классику уже тогда было понятны цивилизационные различия между Западом и Россией. Реальное знание о том, что говорят и думают о русских и России поляки, Страхов считает важным, но намного важнее, полагает он, «что мы сами думаем о себе»: «Наша история совершалась отдельно; мы не разделяли с Европою ни ее судеб, ни ее развития» [Страхов 2010: 39].

Полнота изучения «культурологической парадигмы Страхова» требовала от исследователя показать его культур-философский значимый масштаб как со стороны «отрицательной задачи» (критики всех типов нигилизма), так и «положительной». Автор убедительно доказал, что Страхов последовательно развивал и отстаивал идею «нашей самобытности» и «наших идеалов», «среди которых “русский ум” ... есть существенная часть идеала личности», а собственной национальной культуре, за ходом которой он внимательно всю жизнь следил, Страховым всегда отдавался приоритет [Кокшенева: 32, 268].

Литературная критика Страхова содержала в себе образец русского ума и духа — «приемы его литературных разборов пронизаны метафизическим духом национальной критики с ее доминирующим вниманием к истории души человеческой» [Кокшенева: 241]. Опорой для критики Страхова стала современная ему литература — от Пушкина до Тургенева, Достоевского и Толстого. Художественный мир Л. Н. Толстого, глубоко продуманный Страховым, стал для критика основанием, позволившим проявить собственный метафизический дух творчества и назвать «простоту, добро и правду» существенными и определяющими для системы наших идеалов.

Рассматривая «кризисы и идеалы», опираясь на философские работы до сих пор малоизвестных русских философов — современников Страхова (П. Астафьева, Л. Лопатина, П. Бакунина, нашего современника Н. П. Ильина) — К. А. Кокшенева ставит проблему национального идеала как задачу *личную* и для наших современников. Русская философия и русская культура накопили огромный потенциал «правды о русском человеке», востребованность которой в наше «неклассическое время» не очевидна. Цитируя Страхова, автор книги отмечает, что без веры в Россию, «без веры в себя невозможно никакое развитие» [Страхов 2010: 32]. И продолжает: «Наследие Страхова по-прежнему ожидает углубленного прочтения. В наше неклассическое время вкус к его классическому мышлению нужно специально воспитывать. Сегодня неклассичность проявляется как бесчеловечность в размышлении о человеке. Сегодня неклассичность поддерживается и новым нигилизмом с его “принудительным невежеством” (трансгуманизмом), отменяющим (искажающим) достоинство человека, основанное на его сверхприродности» [Кокшенева: 323]. Глубинная связь идеи личности с идеей народности сегодня обретает свою новую жизнь, а потому

страховская глубокая аргументация в понимании важности развития этой связи, может стать прочным фундаментом для дальнейшего изучения современными исследователями.

Список литературы

Источники

Бакунин П. А. Запоздалый голос сороковых годов. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1881. 458 с.

Розанов В. В. Литературные изгнанники. London: Overseas Publ. Interchange, 1992. 547 с.

Страхов Н. Н. Роковой вопрос // *Страхов Н. Н.* Борьба с Западом. М.: Ин-т русской цивилизации, 2010. С. 37–49 .

Страхов Н. Н. Мир как целое. Черты из наук о природе. М.: Айрис-пресс: Айрис-Дидактика, 2007. 570 с.

Страхов Н. Н. Предисловие 1882 г. // Русское самосознание. Философско-исторический журнал. 1996. № 3. С. 30–32.

Страхов Н. Н. Аполлон Александрович Григорьев // *Страхов Н. Н.* Критические статьи. Киев: Изд. И. П. Матченко, 1902. Т. 2: 1861–1894. 452 с.

Страхов Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе: исторические и критические очерки: в 3 кн. СПб.: Тип. С. Добродеева, 1883. Кн. 2. 272 с.

Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего // *Чаадаев П. Я.* Россия глазами русского. СПб.: Наука, 1991а. 361 с.

Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избр. письма: в 2 т. М.: Наука, 1991б. Т. 1. 802 с.

Исследования

Ильин Н. П. Отравленная льдина. Очерк жизни и мысли П. Я. Чаадаева. URL: https://rkuban.ru/archive/rubric/na-perekrestkah-istorii/na-perekrestkah-istorii_3497.html (дата обращения: 01.04.2024).

Кокшинева К. А. Культурологическая парадигма в наследии Н. Н. Страбова: идеалы и внутренние кризисы культуры. М.: Ин-т Наследия, 2024. 368 с.

References

Il'in, N. P. *Otravlennaia ldina. Ocherk zhizni i mysli P. Ia. Chaadaeva* [*Poisoned Ice Floe. Essay on the Life and Thought of P. Ya. Chaadaev*]. Available at: https://rkuban.ru/archive/rubric/na-perekrestkah-istorii/na-perekrestkah-istorii_3497.html (Accessed 01 April 2024). (In Russ.)

Koksheneva, K. A. *Kul'turologicheskaja paradigma v nasledii N. N. Strakhova: idealy i vnutrennie krizisy kul'tury* [*Culturological Paradigm in the Legacy of N. N. Strakhov: Ideals and Internal Crises of Culture*]. Moscow, Institut Nasledii Publ., 2024. 368 p. (In Russ.)